

УДК 94(470)"14/16"

ВЛАСТНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ТАТАРСКОЙ ЭЛИТЫ НА ПОЖАЛОВАННЫХ МОСКОВСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ: ПОТЕНЦИИ И ЛИМИТЫ¹

© 2016 г. Б.Р. Рахимзянов

В статье исследуется слабо обеспеченная источниками проблема лимитов власти пожалованного московским великим князем татарского династа (Чингисида или представителя четырехклановой системы карачи-беков позднезолотоордынских государств) на московских территориях. Рассматриваются два этапа московско-позднезолотоордынских отношений, оказавших существенное влияние на этот вопрос. Выделяются три типа русских городов, дававшихся татарам в управление. Проводится мысль, что иноконфессиональные, иноэтничные и инокультурные анклавы Московской Руси являлись интегральной частью степной системы «юртов-уделов», точкой взаимосвязи татарского политического мира и Москвы. Текст выстраивает гипотетическую схему, согласно которой, по мнению автора, происходило военное, финансовое и административное управление городами-юртами выезджей татарской элитой.

Ключевые слова: Золотая Орда, татарские ханства, Московское государство, юрт, служилые татар, фронтир.

История взаимоотношений Москвы и татарского мира была весьма неоднозначной. Далеко не всегда ее можно свести к постоянным военным конфликтам. Вектор прагматического сотрудничества в этих отношениях явно присутствовал, и вариации этой кооперации были многообразны. Одной из форм ее были выезды татарской элиты в Московское государство, а незапланированным плодом этих выездов был институт «юртов» – «русско-татарских» городов, которые выступали как место постоянного или временного проживания и средство материального содержания выезджего из Степи² династа. Юрт был уникален тем, что позволял встраивать выезджающих из позднезолотоордынских государств татар в московское общество и государство, не меняя ничего в их структуре.

Институт юртов стал важным связующим звеном между татарским кочевым и московским оседлым мирами. Юрт вводил выезджих династов во внутреннюю политику Московского государства, так как они начинали проживать на его территории, и в то же время он представлял Москву на внешнеполитической сцене, так как служил местом свободного отъезда и приезда татарской знати, иногда «тронным местом», неким аналогом «настоящих» татарских государств. В целом этот институт являлся одним из инструментов, включавших само Московское государство в позднезолотоордынский мир и его политическую культуру. Он был одним из «ворот», которые вводили Москву в татарскую Степь.

Иноконфессиональные, иноэтничные и инокультурные анклавы Московской Руси являлись интегральной частью степной системы «юртов-уделов», точкой взаимосвязи татарского политического мира и Москвы. При этом, к примеру, Мещера (Касимовское ханство) была моделью, на основе которой строились схемы взаимодействия между другими татарскими анклавами Московского государства и внешним татарским миром. Существование таких анклавов повлияло и на положение Москвы в позднезолотоордынском политическом пространстве.

Текст выстраивает гипотетическую схему, согласно которой, по мнению автора, происходило военное, финансовое и административное управление городами-юртами выезджей татарской эли-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Республикой Татарстан научного проекта «Приграничные районы средневековья: место пересечения политической и этнической истории разных народов (на примере Московского государства и Казанского ханства)» № 16–11–16011.

² В данной статье под «Степью» (термин образный; в него включаются и оседлые государства, например Казанское ханство), понимается совокупность всех наследников распавшейся империи – Улуса Джучи, или Золотой Орды, имевших активные внешнеполитические контакты с Москвой. Это так называемые позднезолотоордынские государства.

той³. Вопрос о том, каким образом происходило управление русскими городами, временно или постоянно находившимися «под властью» татарских династов в средние века, опирается в необеспеченность аутентичными источниками. Те же источники, что все же имеются в распоряжении исследователей, относятся преимущественно к XVII в. и в основном к городу Касимову, имевшему особый статус в системе городов и дворцовых волостей, жалуемых выезджей татарской элите. Именно поэтому «касимовский» случай можно назвать относительно разработанным⁴. Некоторые данные содержат русский актовый материал.

Пожалование городов в военное, финансовое и административное управление, к XVII в. трансформировавшееся в пожалование доходами с городов, было наиболее престижной формой содержания Чингисидов и представителей бекских (княжеских) родов позднезолотоордынского общества, выезжавших в Московское государство. Данным вопросом занимались многие исследователи. Ограничусь указанием на те работы, материалы которых помогают приблизиться к гипотетическому решению проблемы. Это уже указанные работы Д.М. Исхакова, А.В. Белякова, соавторов М.М. Акчурина и М. Ишеева, очень интересная работа С.Н. Кистерева (Кистерев, 1998, с. 65–88), монография П.П. Смирнова (Смирнов, 1917, с. 78–97), и некоторые работы других авторов (Веселовский, 1947, с. 122–127; Зимин, 1970, с. 141–163; Тихомиров, 1962, с. 42–46; Скрынников, 1965, с. 152–174; Каштанов, 1967; Гурлянд, 1906, с. 5–16).

С.Б. Веселовский, А.А. Зимин и М.Н. Тихомиров подчеркивали промежуточность положения «татарских» городов между кормлением и вотчиной. А.А.Зимин отмечал: «частая сменяемость держателей этих городков превращала подвластные татарским царевичам территории в весьма своеобразные административные единицы, *имевшие черты уделов, владений служилых князей и обычных кормлений* (выделено мной. – Б.Р.)» (Зимин, 1970, с. 142). Р.Г. Скрынников пошел еще дальше, полагая, что пожизненный характер владений ханов и мирз придавал им некоторые сходства с поместьями. С.Н. Кистерев отмечает, что статус держаний Чингисидов значительно отличается от статуса обычных кормленщиков. При этом он признает сходство юридического положения их владений с поместьями исключительно внешним, проистекающим из того, что и то и другое обреталось благодаря великокняжескому пожалованию. Он не видит сколько-нибудь серьезных отличий прав служилых ханов и султанов от прав служилых князей Рюриковичей и Гедиминовичей, если не обращать внимания на вотчинный характер владений некоторых из числа последних. Другие исследователи (О.А. Шватченко) признают владения ханов и мирз наследственными вотчинами-уделами (Шватченко, 1996, с. 53).

Думаю, в истории «татарских» городов периода XV–XVI вв. можно с некоторой долей условности выделить два этапа, в течение которых ситуация с их управлением сильно различалась. Это время второй половины XV – первой половины XVI вв., когда по источникам прослеживается некоторая политическая автономность сидевших там татарских династов от великого князя, и объем их власти был достаточно велик, и время второй половины XVI в., когда от этой автономии и объема власти практически ничего не осталось. Поэтому, говоря о том или ином политическом институте, механизме или явлении, необходимо всегда иметь в виду эти два периода, границей которых является взятие Москвой двух независимых татарских юртов и вызванная этим смена геополитической ситуации в Дешт-и Кипчаке в целом.

Также я полагаю, что жалуемые выезджей татарской элите города можно условно разделить на три типа, по совокупности двух факторов: размер территории, «тянувшей» к этим городам; продолжительность «татарского» владения этим городом.

Первый тип уникален и представлен только одним городом – Касимовом. Уникальность этого случая в том, что Касимов являлся столицей полунезависимого татарского ханства на протяжении около 200 лет, и к нему «тянула» весьма обширная территория, в состав которой входили другие, более мелкие города (Исхаков, 1998, с. 175–227). Касимовским владельцам на протяжении второй половины XV – первой половины XVI вв. шла дань от правителей Москвы (см. подробнее: Рахимзянов, 2009, с. 57–61, 115–116 и др.). Такого мы не видим нигде более на территории Московской Руси. Для удобства и очень условно можно обозначить данный тип как «ханство-удел». Касимовский владелец, по-видимому, во второй половине XV – первой половине XVI вв.⁵ являлся кем-то

³ Под «татарской элитой» я понимаю Чингисидов и представителей следующей за ними страты позднезолотоордынских государств – карачи-беков, «князей князей» русских источников.

⁴ Противоположные друг другу точки зрения см.: (Исхаков, 1998, с. 175–227; Беляков, 2011, с. 165–297, 372–414; Акчурин, Ишеев, 2014, с. 4–17).

⁵ В 1530-е гг. ситуация начинает меняться.

вроде удельного господина в своем ханстве и старшего правителя по отношению к проживавшим на территории ханства другим татарским феодалам, к примеру, темниковским князьям. Верховным сюзереном при этом выступал великий князь. На территории ханства проживало и русское население. Каким образом строились отношения касимовского владельца с ним, не совсем ясно. Но в любом случае эти отношения претерпели заметную трансформацию после середины XVI в. Таким образом, касимовский случай выделяет достаточно обширная территория и большой, по сравнению с другими татарскими анклавами, объем власти касимовского владельца⁶.

Второй тип – это город Романов, который на протяжении 1564–1656 гг. принадлежал ногайским мирзам (заметим, это вторая половина XVI в.), и в его округе мирзы владели также большим (но существенно меньшим, чем в Касимове) количеством земли, на которой они селили своих людей. Эти земли принадлежали мирзам на поместном праве. Однако в состав жалуемой мирзам территории вокруг Романова не входили другие города; этим, а также отсутствием получаемой от Москвы дани, Романов отличается от Касимова. В Романове также проживало и русское население.

Итак, в Касимове и Романове татарская элита в округе этих городов владела большим количеством земли, на которой поселяла своих людей (служилых татар и ногаев) и ведала их судом и управой, независимо от московской приказной администрации (Веселовский, 1947, с. 123). Татары получали денежные доходы с этих городов. Эти два «места» отличались от других татарских анклавов, представляющих третий тип. В то время как другие «русско-татарские» города принадлежали попеременно то русским, то татарским владельцам, Мещерский Городок на протяжении 1445 – середины XVII в. всегда принадлежал только Джучидам (никогда более низкой страте золотоордынской элиты). Романов принадлежал только ногайским мирзам (клан Мангыт золотоордынской элиты) на протяжении своего существования как татарского анклава в 1564–1656 гг.

Другие же города, составляющие третий тип (как наиболее яркие примеры можно привести Звенигород, Каширу, Серпухов, Юрьев Польский) являлись татарскими владениями непродолжительное время. Татарская элита получала эти города, как выражаются летописи, «в вотчину и в кормление» (дипломатическая переписка содержит формулу «со всеми волостями и с селы и со всеми пошлинами»), т.е. ханы и султаны имели право собирать в свою пользу различные доходы, и на эти доходы содержали себя, свой двор и своих людей. «Волости» и «села» дипломатической переписки говорят нам о том, что в округе этих городов некоторая часть земли также предназначалась для поселения и обеспечения источниками доходов членов двора ханов и султанов (татарских князей, мирз, казаков). При этом русские вотчинники и помещики этих городов оставались на своих местах. Были ли они подведомственны судом и управой ханам и султанам, как служилые землевладельцы других уездов, вопрос непростой.

С.Б. Веселовский предположил, что татарские владения были основаны на сочетании различных элементов средневекового права: в одних случаях в них были элементы удельного строя (суд и управа), в других – элементы кормленной системы. При этом все основывалось на нормах вотчинного права, заключал он (Веселовский, 1947, с. 123).

Как становится ясно после работы со всем комплексом источников по вопросу, материальное и правовое положение татарской элиты в пожалованных городах определить достаточно сложно. Основная информация, имеющаяся в распоряжении исследователей, географически относится к Касимовскому ханству, положение которого достаточно специфично по сравнению с другими татарскими «юртами» Московского государства; некоторое количество информации имеется по Романову и Кашире. Хронологически эта информация охватывает в лучшем случае период с 1540-х гг. (только отрывочные данные имеются по последней четверти XV в.), далее она сконцентрирована на последней четверти XVI в., и более всего ее по XVII в., когда ситуация, по сравнению с рассматриваемым нами периодом, радикально изменилась, и поэтому эти данные вряд ли могут быть экстраполированы на XVI, а тем более XV вв.

Для удобства анализа можно выделить три пункта компетенции татарских династов на пожалованных территориях Московского государства.

А) Военное управление русскими городами «при татарах». Из источников известно, что татарские династы имели полную военную власть над пришедшими с ними татарами (своим двором).

⁶ Хотя в последнее время была предложена достаточно аргументированная гипотеза, что объем власти над русским населением у касимовского владельца был меньше, чем у татарских владельцев других русских городов (Кашира, Серпухов, др.), а доходы – больше (Акчурин, Ишеев, 2014, с. 4–17). Однако данная аргументация не «перекрывает» концепцию и доводы Д.М. Исакова. Полагаю, на данный момент обе версии имеют право на существование.

Правда, часть этих татар могла выступать с русскими полководцами автономно (см.: Беляков, 2011, с. 180–216); видимо, по большей части это относится ко второй половине XVI в.

Но могли ли татарские правители в военном отношении руководить русским населением данных городов и их округи (русская феодальная знать как временные вассалы Джучида, обязанные службой по городам, в уездах которых располагались их вотчины)?

С 1530-х гг. в Касимовском ханстве по источникам начинает проследиваться «параллельная» (подчиняющаяся Москве) администрация (подробнее см.: Исааков, 1998, с. 197–198). Не исключено, что хотя бы частично она имелась и раньше, возможно, даже с начала существования ханства. Она была нужна для управления русским населением этой территории. Начиная с 1542/43 г., нам известны касимовские воеводы, имевшие высокий статус. Мы можем говорить о том, что они в обязательном порядке должны были иметь чин не ниже окольного⁷. Воеводы-окольные просуществовали, судя по всему, до крещения царя Саин-Булата б. Бекбулата в 1573 г. (Беляков, 2011, с. 272). После этого ранг представителя Москвы в городе был резко понижен. Теперь здесь отмечают только осадных голов. Известен даже случай, когда этот пост занимал мещерский некрещеный татарин (Беляков, 2003, с. 101–107).

Данные по Романову содержат информацию по поводу наличия в нем русской администрации за период 1564–1656 гг. В городе сидели царские воеводы и другие государевы приказные люди, на посаде жили пушкари, которые в 1626/27 году подчинялись воеводам (Смирнов, 1917, с. 88).

Таким образом, в случаях Касимовского ханства и Романова, думаю, татарские правители в военном отношении руководить русским населением данных территорий вряд ли могли. Вероятно, православным населением предводительствовал русский наместник или воевода, который находился на данной территории, либо для этих целей Москвой временно назначался специальный человек. Вероятно, православные дворяне этих территорий составляли собственную служилую корпорацию (Беляков, 2011, с. 379).

Ситуация с третьим типом городов (Кашира, др.) несколько отличается. В 1500 г., когда бывший казанский хан Мухаммед-Амин владел в Московском государстве Каширой, Серпуховым и Хотунью, он участвовал в военных действиях против Литвы, и в подчинении у него находились Федор и Иван Палецкие (ПСРЛ, 1921, с. 214; ПСРЛ, 1965, с. 139). Но это подчинение, судя по всему, было только формальным. Функция великокняжеских людей «при татарах», скорее всего, была наблюдательной. Не исключено, что необходимость такого наблюдения вызывалась тем обстоятельством, что бывший казанский хан предводительствовал полками, в состав которых, вероятно, входили местные каширские и серпуховские дети боярские, и недоразумения с ними могли возникать хотя бы в силу различной конфессиональной принадлежности сеньора и вассалов, предполагает С.Н. Кистерев (Кистерев, 1998, с. 86).

В городах третьего типа (Кашира, Серпухов, Хотунь, др.), дававшимся татарским династам время от времени, русская администрация, бывшая там «до татар» (наместник, др.), с приходом временного татарского владельца, судя по всему, оставалась на своих местах, для текущего непосредственного управления русским населением. Она временно выступала *как бы* управленцами Джучида и его татарского окружения, а не великого князя. Татарский же хан или султан становился *как бы* временно замещающим верховного сюзерена – великого князя; он, судя по документам, не управлял непосредственно русским населением данной территории (Акты социально-экономической истории..., 1952, с. 530–531; Акты Русского государства..., 1975, с. 104–105; Акты феодального землевладения и хозяйства, 1956, с. 107–108; ААЭ, 1836, с. 146–148, 178), а только финансово «кормился» за счет него.

Б) Фискальная подчиненность «татарам». Сколько и с кого татарские владельцы собирали налогов? Имел ли татарский правитель право собирать подати с русского православного населения?

Определенную информацию о составляющей доходов и подведомственном населении касимовского владельца дает нам договорная грамота между московским и рязанским князьями от 1483 г. В ней отмечаются ясачные люди касимовского владельца: «А которые люди вышли на Рязань от царевича (касимовского правителя Данияра. – Б.Р.) и от его князеи ... бесерменин, или мордвин, или мачарин, черные люди, которые ясак царевичю дают» (ДДГ, 1950, с. 284).

⁷ М.В. Моисеев отмечает, что представитель Москвы при подконтрольных казанских ханах также являлся окольным. Таким образом, можно сделать вывод, что эти службы рассматривались как однотипные.

Как видим, в числе подвластных султану Данияру людей мы не видим христианского населения. Возможно, это говорит нам о том, что оно не входило в судебную и финансовую юрисдикцию султана; хотя, не исключено, оно по какой-либо причине просто не упомянуто в этой грамоте.

Исходя из текста документа, можно предположить, что царевич обладал правом суда и сбора налогов (ясака) с мусульманского населения («бесерменин»), мордвы («мордвин») и мещеры («мачарин»). Эту практику мы видим и в Кадоме, входившем в состав территории Касимовского ханства. Там татарские князья, по крайней мере в первой половине XVI в., обладали правом суда над мордвой тех бейликов (беяков), что платили им ясак (Документы и материалы по истории Мордовской АССР, 1940. с. 147–148).

Вероятно, Чингисид распоряжался и городскими доходами с Касимова (с посадского населения, таможен и кабаков), хотя, возможно, это более поздняя практика (Беяков, 2011, с. 272). Возможно, что Чингисид являлся только конечным получателем этих финансовых средств – не исключено, что татарские представители выполняли только контролирующую функцию при русских сборщиках налогов. Видимо, для этой цели (непосредственный сбор денег), а также для управления православным населением города и уезда, как и других городов и уездов Касимовского ханства, использовались русские наместники и волостели (позже воеводы), назначаемые Москвой. Непосредственно самим собирать налоги с русского населения татарской элите было затруднительно хотя бы в силу незнания (или плохого знания) местных законов и языка. Однако на раннем этапе (XV в.) татары (их даруги) могли и сами заниматься сбором налогов.

Таким образом, можно предположить, что русское население сельских территорий Касимовского ханства в финансовом отношении касимовским владельцам было подчинено опосредованно, через русскую администрацию. Посадское население городов Касимовского ханства, которое составляли в том числе и православные люди, входило в финансовую юрисдикцию касимовских владельцев.

Вероятно, касимовские правители не являлись земельными собственниками всех территорий, которые входили в состав Касимовского ханства (см.: Смирнов, 1917, с. 78–97). Они, по всей видимости, были только кем-то вроде кормленщиков, то есть получали с этих территорий денежные средства. При этом, видимо, они могли распоряжаться некоторыми землями как их условные владельцы – жаловать тем, кому сочтут нужным, выдавать иммунитетные грамоты, заниматься их перераспределением. Касимовский хан мог передать любому татарину своего двора часть земель с крестьянами или без них из своих собственных поместий. Но для Москвы официальным держателем земель по-прежнему оставался касимовский хан (Беяков, 2011, с. 273. Автор ссылается на: РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1).

В целом то же самое можно сказать и о романовских ногайских мирзах, но, вероятно, объем их прав был меньшим, чем у касимовских ханов и султанов. За свою службу романовские мирзы получили от царя Ивана IV город Романов с доходами и дворцовые села в Романовском уезде. Романовские мирзы являлись крупными помещиками (но не вотчинниками Романовского уезда) (Смирнов, 1917, с. 89; см. также: Антонов, 2007, с. 574–601; Демкин, 1986, с. 99–120). Они имели полную власть над своими татарами в изучаемый период: судили их, верстали поместными и денежными окладами из своих поместий.

Видимо, изначально (с 1564 г.), мирзы собирали в свою пользу все доходы с Романова. Русское население, соответственно, финансово было подвластно мирзам. Сбор налогов, по всей видимости, происходил с помощью русской администрации, но конечными получателями всех денег были мирзы. Однако их власть и компетенция постепенно сворачиваются Москвой.

При царе Федоре Ивановиче был поставлен вопрос о предельных размерах доходов с Романова; при этом была сделана попытка перевести мирз с самостоятельного сбора налогов на своеобразно понимаемое жалование. В 1584 г., вместо денег из государственной казны, мирзы получили жалованную грамоту за приписью дьяка Андрея Щелкалова (Акты служилых землевладельцев..., 1997, с. 298–299; см. также: Моисеев, 2004, с. 197–202). По ней «Иль-мирзу ж з братьею пожаловали есмь, велели им давати нашего денежнаго жалованья годового, Иль-мирзе Юсуповичу по двести по пятидесят рублев на год, Айдар-мирзе по семидесят рублев на год, а Алей мирзе по штидесят рублев на год из романовских доходов, ис тех, что збирается с Романова с посаду и с Романовскаго уезда ямских денег и тамги и с кабаков и иных доходов» (Акты служилых землевладельцев..., 1997, с. 298). В 1592/93 г. грамота была выдана вновь. По этой грамоте „с посаду с Романова с посадцких людей оброк, и за рыбную ловлю, и с романовских кабаков кабатцких, и мытных, и перевозных денег велено имати Иль мирзе Исупову сыну княжова з братьею с Айдар мирзою да с Алей

мирзою в годовое жалование всего триста рублей на год. А по кольку за что имати, и того порознь не написано» (Города России XVI в., с. 122).

Таким образом, речь следует вести о назначении жалования мирзам в 300 рублей. При царе Михаиле Федоровиче мирзы получали денежное жалование в размере 500 рублей (Смирнов, 1917, с. 89). Мирз это новое положение не устраивало, и они не раз били челом о возвращении к прежнему порядку вещей. В результате установился следующий компромисс: села в уезде были отданы мирзам со всеми доходами; мирзы могли брать с русских крестьян те доходы, которыми они их «изоброчат»; с этих сел Москва не брала никаких податей (Гурлянд, 1906, с. 7).

Что касается третьего типа городов (Кашира и др.), то, по всей видимости, русское население финансово было подвластно временному татарскому сюзеру территории. В Кашире 16 ноября 1498 г. бывший казанский хан Мухаммед-Амин выдал Троицкому Белопесоцкому монастырю очень щедрую тарханно-несудимую грамоту (Акты социально-экономической истории..., 1952, с. 530–531; ААЭ, 1836, с. 101–102). Хан передает монастырю пустой лес в Туровской волости и Растовском стану, что «лежит от века не пахан». Податный иммунитет для призванных на поселение людей определен следующим образом:

Тем людем ненадобе *моя царева дань*⁸, ни поворотная, ни на ям подвод не имать, ни тамга, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни гостиное, ни померное, ни убрусное; ни к дворскому, ни к сотцоуму, ни к десятцоуму с тяглыми людьми не тянут ни в каторые проторы, ни в разметы; ни иные им никаторые пошлины не надобеть.

Не должны были взиматься наместничьи кормы. Соответственно, при обычных обстоятельствах (когда податный иммунитет отсутствовал) все эти тяготы для населения (а оно было русским) присутствовали.

Как показывает эта жалованная грамота, Джучиды могли производить пожалование недвижимостью (они распоряжались великокняжеским земельным фондом, при вероятном отсутствии у султанов вотчинных прав на какие-либо земли).

Брат Мухаммед-Амина, также бывший казанский хан, Абд ал-Латиф, в качестве правителя Каширы выдал 28 февраля 1512 г. жалованную грамоту на владения того же Троицкого Белопесоцкого монастыря в Каширском уезде (Акты Русского государства..., 1975, с. 104)⁹. Упоминание этой грамоты о наместничьих кормах позволяет увидеть иные, по сравнению с обычными кормленщиками, источники доходов каширского владельца.

Можно говорить, что материальным обеспечением Абд ал-Латифа служили прямые налоги, взимаемые со всего тяглого населения уезда (Кистерев, 1998, с. 81). В 1508 г. Юрьев-Польский давался Абд ал-Латифу «с данью и со всеми пошлинами» (Сборник РИО, 1895, с. 45). Трудно допустить, чтобы перевод хана в Каширу, чего столь длительное время и так настойчиво добивались его крымские родственники, сопровождался сокращением его доходов путем исключения той же «дани», достойную замену которой чем-либо проблематично предположить. Понятно, что эту «дань» и эти «пошлины» Джучид мог собирать только с того населения, которое проживало в самом городе и на «тянувшей» к нему территории, а это было, как правило, русское православное население.

В) Административно-судебная власть. Это объем «юридической», выражаясь современным языком, власти татарских династов – кого они могли судить на вверенной им территории? Ограничивалось ли право суда татарского династа только его двором? Имел ли татарский правитель право судить русское население? Или же с суда над православным населением представителям «золотого рода» в лучшем случае могли поступать судебные пошлины?

Относительно случая Касимова можно сказать, что основная источниковая информация относится к XVII в. (Беляков, 2011, с. 272–278). Автоматически переносить ее на XVI в., а тем более на XV в., исторически некорректно. Поэтому по поводу древнего периода (XV – первая половина XVI вв.) мы можем делать только предположения. Вероятно, во второй половине XVI в. касимовский правитель уже не мог вмешиваться в поземельные споры татар уезда. Это входило в функцию воеводы. Представители касимовского хана (дворецкий и дьяк) присутствовали на суде, произошедшем в 1563 г., только для контроля над сбором судебных пошлин (Памятники русской письменности..., 1978, с. 42–43).

⁸ О том, что «дань» в рассматриваемых грамотах означает особый налог, см.: (Каштанов, 1988, с. 61).

⁹ На эти же владения тому же игумену Троицкого Белопесоцкого монастыря в июле 1511 г. была дана жалованная грамота от имени великого князя (Акты Русского государства..., 1975, с. 91).

В Романове суд в делах между служилыми казаками-ногаями принадлежал мирзам, причем каждый мирза судил подчиненных именно ему казаков. В смежных делах, между посадскими людьми и татарами, суд производился воеводой при участии двух «лучших» людей от мирз, а также двух «лучших» людей от служилых татар-ногаев (Гурлянд, 1906, с. 8).

Что касается третьего типа городов (Кашира и др.), то некоторую информацию содержит русский актовый материал. Уже упомянутая мной тарханно-несудимая грамота Мухаммед-Амина Троицкому Белопесочному монастырю (Кашира, 16 ноября 1498 г.) (Акты социально-экономической истории..., 1952, с. 530–531; ААЭ, 1836, с. 101–102) определяет иммунитет для призванных на поселение людей в том числе и в том, что ханские наместники Мухаммед-Амина не имели права суда над монастырскими людьми, кроме душегубства. В случаях, когда иммунитет отсутствовал, наместники Мухаммед-Амина соответственно право суда над проживавшими на территории Каширы и Каширского уезда людьми имели. Бывший казанский хан установил подсудность себе (или своему порученцу – «кому прикажу») игумена этого монастыря – по аналогии со многими другими настоятелями монастырей, подведомственных удельнокняжескому суду (Каштанов, 1967, с. 129). Монастырь был поставлен в вассальную зависимость от Мухаммед-Амина.

Также упомянутая мной жалованная грамота на владения Троицкого Белопесочного монастыря в Каширском уезде, выданная Абд ал-Латифом (28 февраля 1512 г.) (Акты Русского государства..., 1975, с. 104–105), позволяет говорить, что, получив Каширу из рук Василия III, Абд ал-Латиф имел право держать там своего наместника, назначать прочую администрацию, выдавать жалованные грамоты и осуществлять делопроизводство *в отношении всех слоев населения*, включая детей боярских¹⁰ и духовенство, на территории Каширского уезда (Кистерев, 1998, с. 80–81). Очевидно, судебные прерогативы Абд ал-Латифа включали весь спектр уголовного и имущественного права.

При получении в управление Юрьева Польского в 1508 г. Абд ал-Латифу был выдан некий «судебник» (Описи Царского архива..., 1960, с. 28)¹¹. Что это был за судебник и каким образом факт его наличия может приоткрыть для нас завесу над вопросом управления Джучидом русским городом?

Возможно, это был универсальный Судебник 1497 г. (т.н. Судебник Ивана III)¹². Такое допущение может служить еще одним аргументом в пользу моего предположения, что Джучид являлся *верховным правителем* для всего населения русского города и его уезда (включая и русское, православное)¹³. В противном случае (если Абд ал-Латиф был «государем» только для единоверцев), какой смысл был выдавать ему универсальный московский Судебник, если его управленческие прерогативы простирались только на татар? Ими, как известно, он управлял исходя из норм как Ясы (собрание законов и приказов) Чингис-хана, так и общеисламских норм Шариата; полагаю, нормы московского законодательства на них не распространялись.

Думаю, судебник был дан Джучиду для того, чтобы он имел представление о тех законах, которые имели место на данной территории. Несмотря на то, что непосредственное управление русским населением производила русская администрация, подчинявшаяся Джучиду как верховному сюзеру этой территории, следил за общим ходом этого управления и, вероятно, задавал основные задачи этого управления сам потомок Чингис-хана.

Исходя из приведенной информации по городам третьего типа, а также используя метод выборочной экстраполяции данных по второй половине XVI – первой половине XVII вв. на период XV–XVI вв., можно сделать следующие предположения. Видимо, на территории Касимовского ханства и городах третьего типа (Кашира и др.) ситуация обстояла примерно следующим образом. Во второй половине XV – первой половине XVI вв. татарский владетель территории имел полное право суда над пришедшими с ним и прикрепленными к нему «на месте» татарами (теми людьми, которых можно условно назвать его «двором»). Вероятно, то же самое можно сказать о неправославном населении этих территорий, если таковое имелось (как в Касимовском ханстве).

Что касается православного населения, то, полагаю, оно также было подсудно татарскому владельцу, но через посредничество русской администрации. Это означает, что непосредственный

¹⁰ О подсудности султанам вотчинников и помещиков см.: (Веселовский, 1947, с. 123).

¹¹ Под ящиком 105 в документе говорится: «... да тетратка, а в ней писано, как пожаловал князь велики Абделетифа царя Звенигородом, и Юрьевом, и Коширою и каков ему судебник даван». Привязка выдачи судебного к Юрьеву-Польскому произведена С.Н. Кистеревым: (Кистерев, 1998, с. 86–87).

¹² Правда, в таком случае не совсем понятно, к чему в тексте источника употреблено слово «каков».

¹³ При посредничестве русской администрации. А.В. Беляков полагает, что Абд ал-Латиф всего лишь «...получил указания о размерах взимаемых судебных пошлин и, возможно, отдельные статьи, которые могли касаться татар его двора» (Беляков, 2011, с. 295).

суд над ним производили русские наместники (воеводы) и их люди, однако Джучид и его татарское окружение выступали как бы «надсмотрщиками» и «генеральными соглядатаями» уже над этой русской администрацией, то есть право последнего слова в суде было за татарами. С суда над православным населением представителям «золотого рода» могли поступать судебные пошлины (Беляков, 2011, с. 379).

Полагаю, что с 1450-х гг. примерно по 1540-е гг. стратегические вопросы финансового и административного управления всей пожалованной татарам территорией и ее населением (включая и православное, русское) решались татарским владельцем данной территории (Джучидом) и его татарским окружением. Вероятно, что русская администрация на территории этих «мест» имела, но временно или постоянно (в зависимости от пожалованного «места») выступала управленцами Джучида и его татарского окружения, а не великого князя. Джучид как бы замещал великого князя в качестве *сюзерена* данной территории. При этом *верховным сюзереном* всегда оставался московский великий князь (Джучиду делегировались все властные полномочия *верховного сюзерена* – московского великого князя).

Иначе говоря, татарский правитель владел территорией условно, хотя иногда и очень продолжительно. Образное отражение сути этого владения иногда можно встретить в актовом материале. В 1543 г. в своей жалованной грамоте хан Шах-Али б. Шейх-Аулияр отмечает, что власти Троице-Сергиева монастыря посылают приказчиков в каширские леса: «*Великого князя в отчину и в наши царевы, в Гусевской лес, и городских людей в лес в большой, и ниже Городка в наших крестьян в отчины земецкие*» (ААЭ, 1836, с. 178). Таким образом, земли под Каширою, будучи «за татарами», назывались и считались «вотчиной» великого князя – верховным сюзереном и владельцем этой территории был московский великий князь, но временно они являлись условной собственностью хана Шах-Али. Этот нюанс тонко показывает неоднозначность статуса как земельных владений татарской знати в Московском государстве, так и самих ее представителей в его политической структуре.

Видимо, мы уже никогда точно не узнаем, каким образом происходило управление этими городами «при татарах» в древнейший период (XV век). Нахождение новых источников могло бы преподнести историкам большие сюрпризы в этом вопросе, существенно пошатнув устоявшиеся представления историографии.

Положение татарской знати в Московском государстве было отнюдь не однозначным. Оно менялось на протяжении изучаемого периода и сильно зависело от внешней геополитической ситуации в Восточной Европе (в «татарском вопросе» влияние внешнеполитических факторов имело главенствующее значение даже в сугубо внутривосточных, казалось бы, делах). Изображать татарских представителей как беспрекословных «слуг» великого князя с точки зрения источниковой информации некорректно. Сам факт пребывания выезжей татарской знати в Московском государстве приближал бывший «русский улус» к миру Степи, а занимаемые татарской элитой территории служили своеобразным географическим «порталом» в татарский мир. Наиболее наглядно это прослеживается на примере Мещерского юрта, или, согласно закрепившемуся в историографии названию этой местности, Касимовского ханства.

ЛИТЕРАТУРА

1. ААЭ. СПб., 1836. Т. 1.
2. Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.
3. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997. Т.1.
4. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1.
5. Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Т. 2.
6. Акчурин М.М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 4–17.
7. Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 574–601.
8. Беляков А.В. Касимовские воеводы XVI века // Вторые Яхонтовские чтения. Рязань, 2003. С. 101–107.
9. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII вв.: Просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.
10. Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. 1947. № 22. С. 101–131.
11. Города России XVI в.: материалы писцовых описаний. М., 2002. 469 с.
12. Гурлянд И.Я. Романовские мирзы и их служилые татары // Труды Второго Областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь, 1906. Отд. 2. С. 5–16.

13. ДДГ. М.; Л., 1950.
14. Демкин А.В. Феодалное землевладение Романовского уезда в конце XVI в. // Аграрный строй в феодалной России. XV – начало XVIII вв.: Сб. статей. М., 1986. С. 99–120.
15. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1. № 20.
16. Зимин А.А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 году // Из истории Татарии. Сборник 4. Казань, 1970. С. 141–163.
17. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. 276 с. Полный текст: <http://www.tataroved.ru/publication/etno/9/>
18. Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. 391 с.
19. Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. 246 с.
20. Кистерев С.Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С.65–88.
21. Моисеев М.В. К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века // Русский дипломатический. М., 2004. Вып. 10. С. 197–202.
22. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. 196 с.
23. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978.
24. ПСРЛ. Пг., 1921. Т.24; М., 1965. Т.30.
25. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. 207 с.
26. РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 1.
27. Сборник РИО. СПб., 1895. Т.95.
28. Скрынников Р.Г. Опричнина и последние удельные княжения на Руси // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 152–174.
29. Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1917. Т. 1. Вып. 1.
30. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. 584 с.
31. Шватченко О.А. Светские феодалные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996. 286 с.

Список сокращений:

- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках в архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук
 ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 Сборник РИО – Сборник императорского Русского исторического общества

B.R. Rakhimzyanov

TATAR ELITE'S POWER COMPETENCE ON GRANTED MUSCOVITE TERRITORIES: POTENTIALITIES AND LIMITS

The article analyses problematic of Tatar elite's (Chinggisisds or four-clan system of qarachi-beys members) power competence on granted Muscovite territories. This problematic is hard to research due to the lack of authentic primary sources. The author marks out two periods of Muscovite-the Later Golden Horde relations which influenced that issue a lot. The author also distinguishes three types of Muscovite towns that had been granted to Tatar elite. One of the issues raised in this research is the involvement of Muscovy into the Later Golden Horde politics. The author's point is that Tatar enclaves of Muscovy were the crossing point of Tatar political world and Muscovy. They often acted as a bridge and reconciler of conflict between Orthodoxy Christians and Muslims.

Keywords: Golden Horde, Tatar khanates, Muscovy, iurt, service Tatars, frontier.

Сведения об авторе:

Рахимзянов Булат Раимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); E-mail: bulatraim@mail.ru

Rakhimzyanov Bulat Raimovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).